БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ ДЕБЮТ

ХИЗЕР ДЕЙВИ

Призраки Мерри-Холла

ТОЛЬКО ПОЛНЫЕ ТЕНЕЙ СТЕНЫ ЭТОГО ДОМА
ХРАНЯТ МРАЧНЫЕ ТАЙНЫ ПРОШЛЫХ ВРЕМЕН

Хизер Дейви

Призраки Мерри-Холла

Серия «Новая готика»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74718036
Призраки Мерри-Холла : роман / Хизер Дейви ; пер. с англ. Е. Перловой: Иностранка, Издательство АЗБУКА; Москва; 2026
ISBN 978-5-389-35572-9

Аннотация

В готическом дебютном романе Хизер Дейви прошлое и настоящее переплетаются в мрачном викторианском особняке, где стены помнят каждую прошлую обиду и несправедливость.

В наши дни Нелл, оставшаяся без денег и работы после развода, въезжает в ветхий Мерри-Холл с дочерью-подростком Ферн – отчаянный шаг, который оборачивается встречей с призраками, каждый из которых хочет рассказать свою историю. В 1840-х годах юная Долли Дав, талантливая артистка-альбинос, становится сначала игрушкой, а потом жертвой владельца балагана уродов…

Две женщины, разделенные веками, оказываются связаны одним домом. Одна – призрак, отчаянно пытающийся быть услышанным. Другая – живая, но все равно невидимая для мира. Их истории переплетаются в этом пронзительном и атмосферном романе о том, что прошлое не уйдет, пока его жертвы не получат

голос. Идеально для поклонников произведений Лоры Перселл и Элис Хоффман.

Содержание

1	8
2	11
3	20
4	28
5	35
6	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Хизер Дейви
Призраки Мерри-Холла

НОВАЯ ГОТИКА

Серия «Новая готика»

Heather Davey
THE GHOSTS OF MERRY HALL
Copyright © 2025 Heather Davey
All rights reserved

Настоящее издание выходит с разрешения *Johnson & Alcock Ltd*. и *The Van Lear Agency*

Перевод с английского *Евгении Перловой*
Оформление обложки *Михаила Корнилова*

© Е. М. Перлова, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Иностранка®

Пожар в Мерри-Холле начался в субботу после обеда. Здание, дом художника Джареда Рейна, было построено в 1840 году шоуменом и предпринимателем Абелем Уэнхемом.

Фермер Том Рассел заметил языки пламени, вырывающиеся из окон.

«Это было ужасно, – поделился Рассел, – я вызвал пожарных, и они приехали через несколько минут. Они делали невозможное, но здание спасти не удалось».

Причина пожара неизвестна, но, несмотря на

то что зданию нанесен непоправимый ущерб, по заверению полиции, никто из жильцов не пострадал. На месте происшествия обнаружены человеческие останки, начато расследование.

«Бодвик рекордер», 27 января 2025 г.

1
Долли

Ноябрь 2024

Над Мерри-Холлом плотная тишина. Она висит тяжелым облаком, заглушая все, к чему прикасается. Птицы здесь не поют, деревья не смеют шелестеть, лесные звери не приходят охотиться.

Здесь только пыль и тишина. Тишина, которая в ожидании этого дня постепенно сгущалась, становилась плотнее.

И вот в нее ворвались звуки.

Человек идет к дому по рыхлой земле. Руки в карманах непромокаемого плаща, волосы всклокочены, щеки покраснели от бесконечных ноябрьских ветров. Я наблюдаю за ним, опираясь рукой на пыльный подоконник.

Гость останавливается на мгновение, и мне кажется, он меня заметил. Но нет, он просто пошарил в кармане, нащупал, вытащил ключ и вставил его в замочную скважину.

Слышу звук открывающегося замка и отодвигаюсь от окна. Дверь разбухла от старости и долгих проливных дождей. Человек давит плечом, наваливается на нее всем телом, и, наконец, она, содрогнувшись, поддается. Влетают сухие листья, они кружат и рассыпаются по шахматному кафельному

полу. Громко топают ботинки, они заляпаны грязью, от них остаются темные следы. Визитер обходит зал, проводя рукой по стенам, сметая пыль, ощупывая изъеденную временем деревянную обшивку.

На пол падает луч света, разрезая пространство пополам, и человек останавливается. Усталое солнце, впрочем, тут же снова скрывается за тучами, и все вокруг погружается в полумрак. Гость кашляет, и звуки эхом разносятся по пустому дому. Он поднимает глаза, замечая отходящие обои, трещины, буйную плесень.

«Да, без ремонта не обойтись», – думает он. Вижу его мысли – они похожи на хаотичные разноцветные всполохи. «Нанять людей, привести все в порядок. Выполнить долг, продать дом и перекреститься. Купить новую недвижимость как можно дальше отсюда». Он не хочет признаваться себе, что этот дом выводит его из равновесия. В картинных галереях его накрывают похожие чувства: ему кажется, что глаза с портретов следят за каждым его движением, что их взгляды проникают в мысли, вызывая невольную тревогу. Человеку страшно, и, осознав свой страх, он раздраженно подавляет это чувство. Иррациональный страх – не про него. Он вовсе не считает себя трусом.

Осматривает тускло освещенный зал.

На стекле остался отпечаток моей руки. Отчетливый и изящный, словно морозный узор. Человек замечает его и мрачнеет, но принимается за измерения. Обходит комнату

за комнатой, записывая цифры в блокнот. Его пальцы окоченели от холода, и он дышит на них, пытаясь согреть. Тепло его дыхания касается моей щеки, и я успеваю жадно впитать живую энергию, пока та не растворилась в воздухе.

Я следую за ним. Мне нужно выяснить о нем все.

Что он собирается делать?

И чем это обернется для меня?

Нужно понять, как его использовать.

Потому что я его узнала.

Я точно знаю, кто он.

2
Нелл

Январь 2025

Я сидела на краю кровати, обнимая пальцами кружку со слабо заваренным чаем. Сквозь неплотно задернутые шторы пробивались огни улицы. Ночь была безлунная. Тускло-оранжевая полоска выхватила обои в цветочек, потертый ковер и груду разбросанных на полу вещей Ферн. Где-то в конце улицы громыхал ранний мусоровоз, катались и гремели баки, шипели тормоза. Рабочие кричали что-то друг другу. Яркие фары пробивали темноту. Мимо дома проехал грузовик, и конденсат на внутренней стороне окна засверкал, словно сотня крошечных светлячков, и я смотрела, как капли стекают вниз и собираются в лужицу на раме.

Кутаясь в отдающий затхлостью плед, я попыталась дышать медленно и глубоко, как учила меня инструктор по йоге в Лондоне. Хотела найти внутреннюю опору до наступления нового дня. Но ничего не получалось. Слишком холодно, а я в таком напряжении, что ни на чем не сосредоточишься; когда со стуком ожило центральное отопление, мне это не помогло.

Было начало января, и стоял лютый мороз. Переезжать накануне Рождества само по себе скверная идея, а при мину-

совых температурах – тем более. Затаскивать вещи вверх по лестнице, втискивать нашу жизнь в чье-то жилье, потому что на большее я была не способна, а потом пытаться превратить его в подобие дома – это просто невозможно.

Адам предлагал помощь, конечно, готов был присылать деньги сверх содержания Ферн. Но я не собиралась ничего у него брать, учитывая, как легко он променял меня на *нее*. А Ферн так злилась на отца, что и не предлагала мне просить у него больше. На самом деле, таково было обычное состояние Ферн последнее время: злость на отца, на меня, на весь мир. Я посмотрела на нее. Она лежала на узкой кровати, свернувшись калачиком, словно младенец в утробе, что-то бормотала во сне, иногда постанывала. Я вздохнула, прижав кружку к груди. Повернулась к окну. Дочь, конечно, хотела, чтобы все стало по-прежнему, и раздражалась по поводу и без. Наверное, потому, что чувствовала себя совершенно беспомощной, ведь она не могла ни на что повлиять и ничего изменить.

Небо становилось черно-синим, появились звезды. Хлопнула дверь машины. Залаяла собака.

– Мама!

Я резко повернулась, плеснув чай на пижаму.

Ферн сидела на кровати, длинные осветленные спутанные пряди обрамляли лицо.

– Мам, мне опять приснился этот сон. Про мужчину. И про бледную грустную девочку. Она плакала.

Сердце у меня сжалось. Сколько еще это будет продолжаться? Сколько мы обе сможем вынести? Я надеялась, что все закончилось. Эти сны начали сниться Ферн в конце прошлого года, когда у нас с Адамом все стало разваливаться.

– Все хорошо, родная, – мягко сказала я, стараясь скрыть страх и усталость в голосе. Поставив чай на подоконник, метнулась к кровати и присела рядом с Ферн. Дурацкий мягкий матрас прогнулся подо мной. Я отвела волосы от ее лица. На ее висках выступила испарина, капельки ползли по щекам, кожа – ледяная. Когда Ферн снились кошмары, ей требовалось, чтобы я была рядом. – Все в порядке, малышка, ты в безопасности. Никто не тронет тебя, обещаю.

Ферн судорожно вздохнула и потянулась к тумбочке включить лампу. От света в комнате словно стало теплее. Я разгладила пододеяльник.

– Сделать тебе кофе?

– Спасибо, мам. – Ферн приподнялась, поправила подушку под спиной, прислонилась головой к стене. Из-за холода спала она в большой, не по размеру толстовке – забрала у своего бывшего парня еще в Лондоне; из рукавов виднелись лишь кончики обгрызенных ногтей. От мягкой ткани пахло смесью дезодоранта «Линкс» и травки. Но стирать ее Ферн не давала – переживала из-за того, что они с парнем решили расстаться перед нашим переездом. Толстовка была реликвией. Наверное, оно и к лучшему. Нам только дважды в неделю разрешали пользоваться стиральной машиной. Тем-

ное и светлое стирать в разные дни. Все из-за счетов на электричество. Хозяйка квартиры Кэрол была непреклонна.

– Я мигом. – Я выскользнула из комнаты на темную лестничную площадку, где воняло собачьей мочой и дезинфектором. Осторожно спустилась по лестнице, стараясь не тревожить Кэрол, морщась от скрипа ступеней под ногами.

Открыла дверь в кухню и напугала Пиклза, пса Кэрол. Зашикала на него, чтобы он успокоился. Пиклз, тощий и всегда возбужденный терьер, обожал носиться вокруг, громко тявкая и часто оставляя лужицы. Он радостно залаял и бросился ко мне, мешаясь под ногами, щелкая зубами. Я изо всех сил пыталась его утихомирить, опасаясь, что он разбудит Кэрол. Но снаружи было тихо.

Я щелкнула выключателем – люминесцентная лампа на потолке, мигнув, загорелась, – поставила чайник и достала из шкафа две разномастные чашки.

Пока закипал чайник, я ходила взад-вперед, чтобы согреться. Жуткая холодина, несмотря на включенное отопление. В ремонт углового дома викторианской постройки давно никто не вкладывался. Кэрол, казалось, это ничуть не беспокоило, а нас после нашего теплого дома в Лондоне знобило по утрам и вечерам, и мы бесконечно пили горячее, пытаясь хоть как-то согреться.

Я зачерпнула гранулы дешевого кофе и услышала шаги. Обернувшись, увидела Ферн. Она голыми ногами стояла на пороге и дрожала. Толстовка доходила ей почти до колен.

Пиклз рванул к Ферн, запрыгал на задних лапах и залаял. Она хмуро оттолкнула пса.

– Решила встать и позавтракать, – пояснила она.

– Важный день, новая школа, – улыбнулась я.

Ферн промолчала. Она была мертвенно-бледной, под глазами серые полумесяцы. Пиклз требовательно гавкал, но Ферн, не обращая на него внимания, направилась к древнему холодильнику и распахнула дверцу. Едко пахнуло заплесневевшим сыром и чесноком. Лампочка в холодильнике моргнула.

– Прокисло. – Ферн, словно это я виновата, помахала передо мной бутылкой молока. Сморщила нос. – Ужасно воняет.

Нас преследуют неудачи – знакомое ощущение накатило на меня. Но я взяла себя в руки: это всего лишь бутылка молока. Холодильник плохо работает. Молоко скисло. Подумаешь, проблема.

Но Ферн уже включила режим агрессивной обороны.

– Что планируется на завтрак? – Она вытряхнула творожистые комки в раковину. – Это место просто отстой.

Я пробормотала что-то насчет тостов и коробки с мюсли-батончиками на буфете. Открыла дверцы кухонного шкафа:

– Или вот, есть ультрапастеризованное козье молоко. Уверена, Кэрол не будет против.

– Гадость какая! – скривилась Ферн. – Оно пахнет козами.

– Слушай, давай ты пойдешь оденешься, – вздохнула я. – Приготовлю пока завтрак, хорошо?

Несколько минут спустя я несла наверх поднос с двумя кружками кофе и тостами, намазанными дешевым магазинным джемом, держа под мышкой снятую с сушилки блузку. Осторожно переступила через Пиклза, грызущего тряпичный коврик на площадке.

Ферн была в комнате. Она собрала темные, почти черные волосы в небрежный пучок и сидела, напряженно выпрямившись в новой школьной форме. Ткань, после того как ее достали из упаковки, сохранила аккуратные складки.

– Выйдем заранее, неизвестно, что там с пробками, – сказала я, мысленно прокладывая маршрут по сетке улиц города. – Доброшу тебя до школы и поеду на собеседование.

Собеседование.

У меня перехватило дыхание. Первое за столько лет. Придется изображать энтузиазм, притворяться, будто я способна держать все под контролем и справиться с любыми задачами. Я должна получить эту работу. Просто обязана все наладить. Только бы не ползти к Адаму, признав, что мы, то есть я не справилась без него.

Ферн не ответила. Проглотила остаток тоста и стряхнула крошки с юбки.

– Все будет хорошо, не переживай. У тебя все будет отлично, – твердо сказала я, ловя взгляд дочери. – Уверена, ничего плохого не случится.

Но она не смотрела на меня.

– Просто дурацкий сон, – наконец пробормотала она, сутулясь так, что грудь впала. – Проехали. Он ничего не значит.

Мне хотелось обнять ее и прижать к себе крепко-крепко, как в детстве. Но реакция шестнадцатилетней Ферн могла быть непредсказуемой. Поэтому я лишь молча кивнула в знак согласия.

Устроившись у крошечного зеркала, она принялась наносить тонну тонального крема и рисовать толстые черные стрелки на веках, а я заметалась по комнате, собирая документы для собеседования. Потянулась за блузкой, которую набросила на кресло, запнулась о школьный рюкзак Ферн, и кофе дугой выплеснулся из кружки. Темно-коричневое пятно расползлось по ткани.

Черт. Схватила блузку и бросилась к умывальнику в углу комнаты. Открыла разболтанный кран и подставила заляпанную ткань под прерывистую струю воды. Это единственная приличная блузка, которую я захватила с собой. Мой лондонский гардероб состоял в основном из спортивной дизайнерской одежды, обтягивающих вечерних нарядов и дорогого твида. Все это вообще не мое. Мне нужен шопинг. Купить что-нибудь…

– Так не получится, папа говорит, пятна от чая и кофе надо замачивать в уксусе. Если тереть, только хуже будет. – Ферн наблюдала за мной с осуждением. – Папа говорит…

– Да мне плевать! – Я остервенело терла блузку. – Папы здесь нет, если ты вдруг не заметила.

Среагировала как подросток, в самом деле. Точь-в-точь как Ферн. И вода, действительно, только ухудшала ситуацию. Адам был прав. Как всегда, чертовски прав. Ладно, придется заправить идиотскую блузку поглубже, чтобы хоть как-то скрыть пятно.

Ферн подошла ближе. От нее пахло ванильным спреем для тела и персиковым блеском для губ.

– Мам, может, лучше…

– Ферн, хватит! Просто прекрати. Я сама разберусь.

– Да, конечно, справишься. Все под контролем, как обычно. – Она отступила, подняв руки в защитной позе. – Я просто помочь хотела.

В горле стоял ком. Сглотнула. Почему я так реагирую? Почему? Ферн и так на грани.

– Прости, – выдохнула я. – Слушай…

– Забей. – Ферн запихивала учебник в старый, потрепанный рюкзак: одна лямка оторвана и привязана к корпусу веревкой. Что я за мать, какого лешего не купила ей новый рюкзак?

– Есть ручка? – спросила Ферн. – Мне нужно чем-то писать.

Я беспомощно оглядела комнату. Вода с блузки стекала на ковер. Взгляд зацепился за косметичку, из которой торчали тоналка с застывшими подтеками и пересохшая тушь

с комочками, потом я посмотрела на груду журналов, валявшихся здесь еще до нашего переезда, на полбутылки красного вина и расческу Ферн с несколькими иссиня-черными волосинами, застрявшими между зубцов. Ни одной ручки. Даже карандаша нет.

– Заедем в магазин. – Я сняла юбку с покосившейся вешалки. – На заправке по дороге в город. Там наверняка есть ручки.

3
Долли

Март 1847

Я влюбилась. Чувства мои не были робкими и нежными, напротив – они походили на бурлящий поток, на реку, разливающуюся после зимней спячки и затопляющую луга. Совершенно неуправляемая любовь заполнила все клеточки моего естества, словно вода, поглощающая зелень и несущаяся на улицы Бодвика.

Находилась я тогда тем не менее в Лондоне, в Ист-Энде. В Уайтчепеле. В овощной лавке, переделанной под временный театр, балаган, куда народ приходил за пенни, чтобы посмотреть нелегальное представление. А я, звезда шоу, в яркой пышной юбке и дешевой бижутерии, выходила на сцену снова и снова, номер за номером, а толпа выплевывала мне под ноги непристойные комментарии.

Это был мой третий выход за вечер, и зал ломился от зрителей. Погода стояла скверная, и многие пришли, чтобы за пенни укрыться от грязи и проливного дождя. В балаган набились и дети всех возрастов: скорее всего, стащили у родителей монетку, чтобы попасть сюда. Мокрые тела плотно прижимались друг к другу: кто сидел, кто стоял, все жаждали развлечения – бодрых песен и уморительных фарсов. Воздух

искрил эмоциями.

Мне уже осточертели цветные лампы, освещающие отвратительную яму зрительного зала, грязь, грубые возгласы восторга и восхищения, когда публика впервые лицезрела мои белую, как слоновая кость, кожу и волосы. Поэтому я сразу его заметила.

Он – явно не из тех, кого можно встретить в столь мерзкой дыре, – стоял на галерке позади всего этого сброда, держась за веревку, натянутую для зрителей, чтобы не попадали. Не обращал внимания на громкий хохот и облака дыма от дешевого табака. Он был отстраненный и спокойный. Высокий джентльмен в черном. Строгая шляпа, жесткий ворот, шерстяное пальто с большими рукавами, похожими на вороньи крылья. Сидячие места с обеих сторон от него занимали юнцы. Они вопили, перебранивались и швырялись яблочными огрызками в сидевших внизу легко одетых девчонок с распущенными волосами. Джентльмен оставался ко всему равнодушен, его взгляд искал меня, он слегка поворачивал голову, следя за тем, как я ношусь по сцене в шелковых чулках и пышной юбке. Он словно находился в коконе собственной непроницаемой тишины.

Наши глаза встретились. Мимолетно.

Потом снова. И снова.

Как и каждую ночь, я танцевала, распевая «Правь, Британия!»[1] и «Боже, храни королеву»[2] под бодрый аккомпане-

[1] Патриотическая песня, написана по поэме Джеймса Томсона на музыку То-

мент дребезжащего пианино и стоны скрипки. Перья развевались, лампы мигали, а мой голос взмывал к стропилам, смешиваясь с дымом, зловонием похоти и немытых тел уличных торговцев. Им нравилось шоу. Они обожали меня. Урапатриотический пыл песен заставлял толпу выть и реветь, топать ногами и без конца выкрикивать мое имя.

Я была хороша. Я знала это. Слишком хороша. Я была любимицей владельца театра. Некоторые девушки из труппы ненавидели меня. Непотребно обзывали за глаза, сыпали колкостями – словами твердыми, как леденцы. Смеялись в голос, радуясь придуманным в мой адрес оскорблениям, и хохот заполнял пространство гримерки. Но я оставалась выше всего этого, ведь я знала, сама не понимаю откуда, что однажды стану великой. Я хранила свое тайное знание глубоко внутри.

Тот вечер стал началом моего величия.

Я закончила номер и посмотрела в сторону джентльмена. Но он исчез. Место, где он стоял, заняли. Я была слегка разочарована, но быстро отвлеклась. Раскланялась, сделала реверанс и спела финальную песенку, до последнего удерживая внимание публики.

Мое выступление вновь сорвало овации. Зрители выли от восторга, размахивая рваными шляпами и бросая жалкие

маса Арна в 1740 г. к маскараду принца Уэльского, который покровительствовал обоим авторам. – *Здесь и далее прим. переводчика.*

[2] Патриотическая песня, государственный гимн Великобритании, используемая при важных государственных и общественных событиях.

подарки: кто яблоко, кто пуговицу, а кто и медную монету. Меня накрыло гнусным возбуждением толпы, и, прижимая подарки к груди, я удалилась со сцены. Приготовившись к завистливым ухмылкам, открыла дверь в слабо освещенную гримерку. Но там царила странная тишина, задняя дверь была приоткрыта, и внутрь проникал воздух с улицы. Снаружи доносился шум – обычное дело для этого района Лондона, и я не придала ему значения.

Осмотрелась.

В гримерке сидели семь кошек, которые выступали передо мной. Их номер назывался «Хитрые кошки». Интересно, куда делся их хозяин.

Мне стало не по себе, и краем глаза я заметила какое-то движение сбоку.

Замерла.

Из полумрака шагнул человек, и мне на голову словно вылили ушат ледяной воды.

Через секунду я узнала того самого джентльмена, которого видела на галерке. Молчаливого незнакомца. Меня немного отпустило. Я выдохнула.

– Соберите свои вещи, мисс Долли Дав, – велел он голосом глубоким, как полночь, который струился по моим венам, словно вино. По его губам будто прошлись красной помадой, они были мягкими и полными, и мне захотелось коснуться их, проверить, не провалится ли мой палец в эту бархатистую плоть. – Мы уезжаем.

– Сэр? – Ноги дрожали, но я старалась не показывать страха.

– Некто, – он загадочно улыбнулся, – сообщил об этом балагане, пожаловался на нарушения общественного порядка. Прямо сейчас полиция прочесывает район. Неужели вы не слышите?

Я прислушалась к шуму с улицы. Крики, удары, – очевидно, там шла драка.

– У них собаки и дубинки. Они арестовали нескольких артистов и, конечно, дебоширов из зала, которые рванули через главный вход.

Я судорожно вздохнула. Ладони стали липкими, яблоко выскользнуло, глухо стукнулось об пол и закатилось под стол.

– И вас, звезду шоу, тоже арестуют, если вы немедленно не покинете это место.

– Но…

– Вас оштрафуют или отправят в исправительный дом.

– Но я не могу уйти! Это мой единственный источник дохода. Я должна остаться, сэр. Конечно, у меня есть брат, он работает, но его денег едва хватает, а с тех пор, как умерла наша мать…

– Тогда предстаньте перед судом, мисс Дав, пусть там решат вашу судьбу. – Он выпрямился и сделал шаг к выходу. Меня начали одолевать сомнения. – Или идемте со мной. Я известный антрепренер, и я устрою вашу судьбу. Я пришел в

эту хибару, надеясь увидеть вас на сцене, и, надо признаться, не разочарован тем, что увидел. – Он поднял руку и провел ею по воздуху. – И теперь ясно представляю себе… вижу столь отчетливо. О, мисс Дав, я сделаю вас великой, величайшей артисткой! – Его рука опустилась. – А что до вашего брата, мне не составит труда забрать его позже. Когда вы будете далеко отсюда и в безопасности. – Он наклонился ко мне. И, понизив голос, спросил: – Что вы теперь скажете?

– Сэр, я…

В другой руке он сжимал трость с серебряным набалдашником и теперь стукнул ей в пол. Я вздрогнула.

– Вы нужны мне, – произнес он жестко и настойчиво, наклонившись ко мне, и я уловила насыщенный запах портвейна. Я смотрела на его длинные черные ресницы, сверкающие при свете свечи глаза. Его красота казалась не мужской. – У вас поистине необыкновенный талант, и вы растрачиваете его здесь, в этом отвратительном балагане. Ваша ослепительная внешность, ваш дух… – Он положил мягкую, как бархат, ладонь на мою руку и повторил: – Я сделаю вас великой. – Бросил взгляд на окно, и откуда-то от главного входа раздался страшный грохот, послышались вопли и тяжелые шаги. – Скорее, собирайтесь, пока полиция не нашла вас. Они идут. Они уже в театре и через несколько минут явятся сюда.

– У меня ничего нет, сэр, – торопливо ответила я. Бусины холодного пота стекли по лбу. – Разве что яблоко и пуговица. – Монету я припрятала в кармане.

– Возьму с собой кошек, – сказал он, оглядывая комнату. – Они забавные, а в моем доме полно крыс. В чем их обычно держат?

Я показала на большую переноску – корзину, прикрытую мешковиной.

– Но их хозяин… он…

– Его арестовали. Снаружи вместе с другими артистами, он все еще в костюме. И толпа зевак радуется этому зрелищу. – Джентльмен повертел трость в руке, и серебряный набалдашник скрипнул под ладонью. – Понятия не имею, как полиция сегодня вечером вышла на этот балаган. – И он снова улыбнулся загадочной улыбкой, значение которой открылось мне позднее. – В моей карете есть чем подкрепиться. Кекс с изюмом и пирог с телятиной… – продолжил он, ловко отлавливая разбежавшихся по комнате кошек, игнорируя их вопли и когти. Схватил Лиона, огромного кота, засунул его в короб и плотно затянул кожаные ремни. – …Выдержанный сыр, фундук.

Мой пустой желудок заныл и заурчал в ответ. Я оглядела бардак, царивший в комнате: липкие от пролитого пива голые половицы, дырявые занавески, горы немытой посуды, пустые бутылки из-под джина, а вокруг побеленные стены. И вот это – мое настоящее и будущее. Или…

Я повернулась к джентльмену. Он широко улыбался, а в его глазах горел огонь, знакомый мне словно с рождения. Стоит ли мне бежать с ним? Вот так взять и уйти. Оставить

родной город и брата Корнелиуса, который выбивается из сил на текстильной фабрике?

– А мой брат? – спросила я. Это тревожило меня сильнее всего.

– Я заберу его позже, даю слово. Его тоже ждет великая судьба.

Волнение и любопытство охватили меня. Снаружи послышался резкий крик, хлопнула дверь экипажа. Скорее всего, это моих товарищей по сцене, скованных наручниками, отправляют в тюрьму.

– Ну? – спросил он.

Кошки жалобно мяукали – казалось, кто-то пиликал на скрипке.

Я сняла украшенный перьями головной убор и положила его возле смятого наряда. Мой номер – самый грязный и гротескный во всем шоу. Если Корнелиус станет частью приключения, все будет хорошо.

Снова где-то раздался стук. Крики. Полиция ворвется сюда через секунды.

Я вскинула подбородок.

– Я готова, сэр.

4
Нелл

Январь 2025

– Ты выглядишь как-то по-другому, – объявила Ферн, когда мы наконец вышли из дома. И это не было комплиментом.

По-другому. Ну да, деловая одежда, я ведь собираюсь к потенциальному будущему работодателю. В узкой юбке-карандаш я засеменила пингвиньей походкой к машине, покачиваясь на каблуках. По бедру постукивала элегантная коричневая сумочка, набитая снеками. Я думала о том, что сказала Трейси, леди, которая пригласила меня на собеседование. Она написала, что ей понравилось мое резюме и она с нетерпением ждет нашей встречи. Ее слова вдохновляли меня. Я и правда старалась стать другой. Понять, какой именно. Найти ту, что спрятана где-то там, глубоко внутри. Я дошла до машины, и волна оптимизма сошла на нет: ключи-то остались наверху. Пока ковыляла за ними, осознала главную проблему: я понятия не имею, кто я на самом деле. Но в одном была абсолютно уверена: женщина, живущая в съемной комнате и бегущая в неудобных туфлях и мокрой блузке, неприятно липнущей к спине, на собеседование, точно не я.

Схватила ключи от машины, спустилась и засеменила к

машине. Я должна все уладить, получить работу, найти нам с Ферн постоянное жилье…

– Мам, мы опаздываем. – Ферн задергала ручку, не дожидаясь, пока я открою дверь.

Небо, прорезанное жидкими красными полосами, светлело. Я взглянула на часы. Времени в обрез, я молча села за руль, завела машину.

Включила печку и теплый обдув лобового стекла, чтобы растопить иней. Не дожидаясь, пока машина прогреется, начала выруливать со стоянки. Ферн отвергла успокаивающий концерт Моцарта для кларнета, и, меняя радиостанции и выкрутив громкость на максимум, остановилась на том, что ей нравилось. Глухой, нарастающий ритм музыки раздувал в моей голове воздушный шар, но я сдержала раздражение, осторожно выезжая на улицу. Окна запотели. Машина подпрыгнула на выбоине, и прямо перед нами дорогу перебежала кошка. Я резко надавила на тормоз.

– Мам! – слегка театрально дернулась Ферн. – Это просто кошка!

Я провела пальцами по волосам. Все-таки зря не помыла. Но на них не хватило времени: происшествие с блузкой, а потом я консилером Ферн замазывала мешки под глазами. Синие туфли на каблуках-рюмочках натирали так, что к вечеру точно будут волдыри. Я сделала глубокий вдох и выехала на дорогу, показав Ферн на автобусную остановку, мол, если хочешь, давай сама. Никак не отреагировав, она уткну-

лась в телефон.

Мы прибыли в центр города. Над ним возвышалась массивная церковь с двумя башнями; ее, как морские блюдечки, облепили со всех сторон здания. Я представила мощеные улочки, кофейни, маленькие бутики с элегантной одеждой и дорогой обувью. Подумала, что неплохо бы прогуляться после собеседования. Офис, куда я направлялась, располагался недалеко от центра. А вот Бодвикская средняя школа – на окраине. Рейтингом она не блистала, но оказалась единственной, где нашлось место, так что выбора не оставалось. На подъезде мы увидели группы идущих к школе детей в такой же желто-черной форме, как у Ферн. Я заметила, как дочь отвела взгляд и глубже вжалась в сиденье, бешено стуча пальцами по экрану.

Ферн не хотела, чтобы я ее провожала, и, поскольку времени было в обрез, меня это только порадовало, но что подумает директор школы? Какой родитель не провожает ребенка в день, когда он окажется в незнакомой обстановке? Но Ферн стояла на своем.

– Все нормально, – твердила она, когда я пыталась возражать. – Прекрати меня контролировать.

Так что тему закрыли.

– Мы на месте. – Я заехала на парковку позади школьного автобуса, из которого сыпались ученики. Очень похоже на пчелиный улей: черно-желтая форма, взволнованное жужжание-болтовня. Желудок у меня сжался. Вот оно. На-

стоящее начало новой жизни. Я в самом деле ощущала это. Потянула ручник, не выключая двигатель.

– Мам, ты ведь не высадишь меня здесь? На остановке автобуса! – Ферн во все глаза смотрела в окно, наблюдая, как толпа учеников идет к воротам. – Не отъедешь немного?

Конечно. Она стесняется. Первый день. Ее привезла мать. Она тут новенькая. Форма непривычная. Ну да.

Я молча вырулила с парковки, заехала на маленькую тихую улочку. Время поджимало. Я представляла, как ползу в пробке обратно в центр. Непонятно, что там с парковкой. Неловко возилась с телефоном, настраивая Гугл карты.

Ферн схватила потрепанный рюкзак, распахнула дверь, повеяло свежей мятой.

– Все наладится, – сказала я, поймав себя на мысли, что говорю это, возможно, самой себе. – Хорошего дня, горошинка.

Хотела добавить «люблю тебя», но Ферн хлопнула дверцей и, не оборачиваясь, зашагала по тротуару к школе.

И я вспомнила, что забыла остановиться на заправке, чтобы купить ей ручку.

* * *

Собеседование прошло неважно. На самом деле ужасно. Я провалила его с самого начала, когда зашла в офис и поняла, что забыла документы в машине. «Я сбегаю и принесу

их», – сказала я Трейси, менеджеру. Но Трейси, подтянутая и деловая, на шпильках, в дизайнерских очках, ответила, что посмотрит документы, если я подойду на должность. В этом «если» были вся тяжесть мира и решение по моей кандидатуре.

Меня провели в маленький стеклянный офис и учинили допрос с пристрастием по поводу моих навыков работы с компьютером и ИТ-технологиями, опыта и карьерных планов. Я чувствовала, как соскальзываю по спирали в самоуничижение, пока не достигла дна, запинаясь, теряя нить повествования. Я зависала и с трудом произносила хоть что-то уместное и подходящее. Трейси поджимала губы и писала в блокноте, не поднимая глаз.

– Позвоню до конца дня, – объявила она, получив ответы на свои вопросы, и проводила меня до двери.

И я отправилась бродить по городу, чтобы убить время до окончания уроков Ферн. Возвращаться в съемную комнату и торчать там было бы слишком печально. Я присела на скамейку у церкви и съела свои снеки. Похолодало. По всем прогнозам ожидался снег, температура неуклонно падала. Я смотрела в сизо-серое небо. Слабые лучи леденистого света прорезали тучи. Те тяжелели с каждой минутой, а над церковным кладбищем гулял ветер, резкий, как лезвие бритвы. Становилось зябко.

Получше замотавшись в шарф, я свернула пакет с остатками обеда, поднялась со скамейки и отправилась исследо-

вать лабиринт мощеных улочек. Заглянула в несколько магазинчиков в тюдоровских зданиях с низкими потолками и просевшими деревянными половицами. В отделе распродаж крошечной лавки у городской площади купила брюки. Широкие, в технике пэчворк, на резинке. Бесцельно бродя по музею с плотным бумажным пакетом в руке, я пыталась убедить себя, что, возможно, именно сейчас и начинается что-то новое. Я ищу себя и учусь жить без Адама. И вот в этом странном переходном состоянии я пялилась в витрины с древними керамическими черепками, старой обувью и пряжками, читала описания, не вникая в смысл. Потом позволила себе кофе в кафе музея. Удивительно, как покупка брюк способна изменить восприятие. Поднять настроение настолько, что я позволила себе мечтать.

Когда я выходила из музея, телефон завибрировал. Пришло сообщение от Ферн. После школы она собиралась в город – пройтись и выпить горячего шоколада, потом поедет домой на автобусе. Я улыбнулась. Все будет хорошо. Конечно. Ферн нашла друзей. Она уже устраивает свою жизнь. Я неторопливо шла от магазинчика к магазинчику, откладывая возвращение в съемную комнату. И, прогуливаясь, позволила себе представить идеальный мир, в котором будет протекать моя новая жизнь. Я найду достойное место, стану зарабатывать, куплю дом, как только подам на развод и получу причитающуюся мне сумму. Дом где-нибудь за городом, в окрестностях Бодвика. Совсем не такой, как в Лондоне.

Ферн будет счастлива. Мне просто нужно пережить короткий период неопределенности, и все наладится. Не брюки стоило себе покупать, а что-то для Ферн. Что-нибудь милое – загладить колючее начало дня. Я взглянула на часы. Если поторопиться, успею в канцелярский магазинчик. Увидев в эркерной витрине множество дорогущих ручек, блокнотов, модные пеналы и огромные наборы маркеров «Шарпиз», я решила, что куплю Ферн для школы все, что нужно. И исправлю утренний провал с ручкой. Добрые пятнадцать минут я разглядывала в магазине фломастеры и ароматизированные ластики, соображая, что сейчас нравится подросткам. И еле сдержала приступ ностальгии, увидев пенал в виде лягушки с выпученными глазами. Маленькая Ферн была бы в восторге. Когда-то она обожала лягушек. Зазвонили церковные колокола, я вышла из магазина. Едва ступила за порог, как продавщица решительно перевернула табличку на двери на «Закрыто». Само собой. Наверняка, ей хотелось поскорее свернуться и пойти домой.

Домой.

Слово царапнуло меня. Я подумала о том, что меня ждет: макароны с соусом из банки, полплитки молочного шоколада, остатки вина. Кэрол станет задавать вопросы, а я – уклоняться от ответов. Потом сбегу в нашу тесную комнатенку, почитаю в неудобном кресле, всеми порами ощущая паршивое настроение Ферн.

Нет. Я решила, что не в состоянии идти домой. Не сейчас.

5
Долли

Март 1847

Джентльмен вышел из балагана в переулок, и я последовала за ним. Дождь превратился в морось, влажность обострила уличную вонь, усилила какофонию смуты. Шлепанье подошв по лужам, взволнованные голоса, звенящие в промозглом воздухе, пронзительные свистки полицейских. Мой спутник спешил, и громоздкая переноска с «Хитрыми котами» билась о его ногу. Коты отчаянно мяукали и скреблись. Я бежала следом, стараясь не отставать. В темноте ночи уличный фонарь освещал нам путь до конца переулка. Там висел глухой туман, скрывающий выход на улицу. Оттуда доносился ужасный шум, он усиливался: крики, проклятия, грохот тяжелых ботинок по каменной мостовой, шлепки дубинок.

Я остановилась и замерла.

Кошки скреблись и мяукали. Громче, чем раньше.

– Пойдем другой дорогой, – спокойно, словно все происходящее – пустяк, незначительная помеха, предложил джентльмен. – Мы же не хотим попасть в руки полиции и всяким головорезам, это не входит в наши планы. Вперед. – Он поднял руку, и словно гигантское плотное шерстяное

крыло закрыло от меня слабо освещенный мир. – Я уберегу вас от бед, мисс Дав. Мы доберемся до кареты более длинным путем. Я нанял кларенс[3], так что наше путешествие пройдет с комфортом.

Он повел меня по паутине узких переходов, и, хотя я неплохо знала Уайтчепел, сообразить, куда мы направляемся, мне никак не удавалось. Было слишком темно, подмораживало, и я бежала в тонкой блузке и легких туфлях, пытаясь согреться и не отставать от красавца, который шел широким шагом. Он поторапливал меня, и я спешила изо всех сил, нижняя юбка путалась в ногах, подолом шлепая по грязи и навозу – обойти это все не представлялось возможным.

Наконец, мы добрались до кареты, и джентльмен усадил меня на заднее сиденье. Я забилась в угол. Свет фонарей проникал внутрь, создавая причудливые тени, и меня посетили сомнения: что же я делаю? Зачем увязалась за этим незнакомцем? До боли сжала переплетенные пальцы, влажные от пота. Посмотрела на джентльмена, и он тепло улыбнулся мне. Сердце забилось в радостной уверенности, что я выбрала верную дорогу. О, как мне хотелось убраться из дрянного балагана! Друзей – ни единого, а удача и не попыталась повернуться ко мне лицом. Корнелиуса, брата, я так любила, что не допускала и мысли навлечь на него несчастья,

---

[3] Кларенс – тип повозки, который был популярен в начале XIX в. Это закрытое четырехколесное транспортное средство, запряженное лошадьми, с выступающей стеклянной передней частью и сиденьями для четырех пассажиров внутри.

втянув в судебные разбирательства. Это лишь усугубило бы его мрачное состояние духа, в которое он впал после смерти нашей матери.

Я стала для брата испытанием. Он с самого начала не хотел, чтобы я выступала в балагане, но как еще заработать с моей-то внешностью? Мама за гроши сортировала тряпье. А когда она умерла, мне пришлось найти способ поддержать скудные доходы нашей семьи. Иначе мы бы просто сдохли с голода. Решение ко мне пришло само: ведь я, где бы ни появлялась, всегда приковывала к себе все взгляды. А если Господь создал меня такой, то почему бы не сделать внешность своим ремеслом?

Я стала репетировать: петь и танцевать тайком от брата, всякий раз, когда он уходил из дома. Затем, когда решила, что готова, отправилась в бывшую овощную лавку, сжимая в руке блестящий пенни, подобранный в канаве, и посмотрела шоу. Оно крайне меня разочаровало: номера были пошлыми и плохо отрепетированными. Но владелец балагана пригласил меня к себе после окончания представления. Моя внешность поразила его. А то, что я пела и танцевала намного лучше его артистов, добавило привлекательности нашей сделке. Правда, вскоре я осознала, какая мне выпала тяжкая доля. Корнелиус возмущался и протестовал, а сама я зачастую ощущала себя игрушкой, созданной ради увеселения толпы. Балаган действовал нелегально, а значит, мое место в нем висело на волоске – тонкой нити, готовой лопнуть в любую

минуту. А о последствиях такого исхода и думать не хотелось. Но тайная уверенность в том, что я рождена для лучшей судьбы, поддерживала меня.

И вот она открыла передо мной двери.

Я поерзала на кожаном сиденье, откинула с плеч на спину молочно-белые волосы и отвернулась от окна. Корнелиусу будет лучше без меня, а я, когда сумею обеспечить наше будущее, вернусь и заберу его из Лондона, если это не случится раньше, как обещал мой спаситель. У меня не возникало ни малейшего желания возвращаться в трущобы, с их отвратительными крысами и грязью. Мы жили в тесной каморке на четвертом этаже переполненного доходного дома в беднейшем районе для низших слоев общества, но ничего лучшего не могли себе позволить: заработка Корнелиуса не хватало. Мистер Брокли, хозяин фабрики, был хорошим человеком – справедливым и добрым, – и это дорогого стоило, но никак влияло на жалкие условия, в которых мы вынуждены были ютиться. Я верила, что со временем вытащу нас из этого бедственного положения.

Я откинулась на спинку сиденья, а джентльмен стукнул круглым набалдашником трости в крышу кареты.

Лошадь фыркнула и заржала, и мы тотчас тронулись, подпрыгивая по брусчатке; стук копыт эхом разнесся над мостовой. От резкого движения я врезалась затылком в стенку и едва сдержала вскрик. Карету отчаянно мотало, мне никогда не доводилось так ездить. Джентльмен не сводил глаз с мое-

го лица, и на губах его играла улыбка, словно он забавлялся, глядя на меня.

– Куда мы направляемся, сэр? – переведя дыхание, спросила я и посмотрела в окно. Мы стремительно неслись по лондонским улицам.

– В Мерри-Холл. В Бодвик, я там живу.

– Бодвик? – Слово походило на ком, я с трудом проглотила его, и оно сдавило мне горло.

– Именно. Я, когда не гастролирую, останавливаюсь в Мерри-Холле, это моя основная резиденция. Вам понравится. Мерри-Холл далеко отсюда, и там нет лондонского тумана, – он махнул рукой на белесые клубы за окном. – По дороге мы остановимся на ночлег, и завтра будем в пути весь день, чтобы к сумеркам прибыть в Мерри-Холл. – Я молчала. – Перед вами откроется весь мир, мисс Дав. И вам суждено стать великой его частью. Вы увидите потрясающие вещи, побываете в далеких странах, обретете славу, богатства и, возможно… любовь. – Он кашлянул. – Но сначала мы прибудем в Мерри-Холл, чтобы отдохнуть и довести ваш номер до совершенства. А затем, разумеется, мы заберем вашего брата.

Он говорил, и тепло разливалось по моим жилам, а внутри пружинками трепетало волнение. Я обхватила себя руками, чтобы унять дрожь. Мой спутник, как и обещал, предложил мне поесть, но у меня от переживаний так скрутило желудок, что я, хоть и была голодна, проглотила совсем чуть-чуть. А

потом от усталости задремала, склонив голову на грудь. Карета подпрыгнула на колее, и я проснулась. Мысли неслись вскачь. Бодвик. Мерри-Холл. Обещания будущего. Корнелиус будет рядом. А я стану большой, нет, великой актрисой, ведь так говорит этот талантливый антрепренер.

Здания редели. Щупальца тумана разжались, сажа и смог развеялись, и чернота полей разверзлась перед нами. Добравшись до бедного постоялого двора, мы переночевали на неудобных кроватях. Затем ехали весь день.

* * *

– Проснитесь, мисс Дав! Ну же, просыпайтесь!

Карета загрохотала, замедлив ход, и остановилась. Меня качнуло, и я открыла глаза. Спросонья я не сразу поняла, что происходит, но замешательство быстро рассеялось, когда я увидела перед собой лицо моего спутника. Бархатные глаза, опушенные длинными ресницами, ловили мой взгляд. Он улыбался.

– Мы приехали в Мерри-Холл, сэр? – Я повернула голову к окну, но за ним стояла такая тьма, что разглядеть признаки жилья не представлялось возможным. Я была совершенно измучена, кости – и те ломило от усталости.

– Еще нет. Мы в Бодвике, у «Черного медведя». Уже поздно, и нам необходимо передохнуть и развеяться. Возница за-

берет нас на брогаме[4]. А пока мы здесь…

– Но, сэр…

– Наверняка вы голодны и хотите пить.

Я подумала о прокуренных пабах Лондона, где порой мне приходилось петь и танцевать за деньги. Там все тыкали в меня пальцами и зло подшучивали. Громкие пьяные голоса, грубости и непотребщина, идущие из темных потаенных глубин. После дешевых балаганов пабы – самые ужасные забегаловки, какие только можно вообразить.

Красавец положил ладонь мне на предплечье.

– Я не заставлю выступать вас сегодня, мисс Дав, если вы переживаете по этому поводу. Хотя хозяин заведения бывает весьма доволен… – Он слово прочитал мои мысли. В темноте глаза его сияли, как драгоценные камни. Он сложил указательный и большой пальцы. – Когда я приезжаю с выступлениями. Ведь это увеличивает его доходы, понимаете? Но не сегодня, мисс Дав. Не сегодня. Мы просто поужинаем, и затем нас повезут дальше. В Мерри-Холле сейчас никого, встречать нас не будут. Видите ли, слуг у меня нет. – Я изумленно подняла бровь. – В них нет необходимости. Меня прекрасно обслуживают артисты.

– Артисты?

Вместо ответа он открыл дверцу, поговорил с кучером, взял переноску с кошками и жестом велел мне выйти. Мы

[4] Тип легкой одноконной двухместной четырехколесной закрытой конной повозки с открытым сиденьем для кучера спереди.

очутились на улице напротив «Черного медведя», внушительных размеров красного кирпичного здания. В желтых задымленных окнах горели масляные лампы. Изнутри доносился шум – песни, крики; эту какофонию перекрывал пронзительный собачий лай. Я глубоко вдохнула теплый запах пирогов, и мой желудок сжался: я почти ничего не ела в дороге, лишь совсем немного перекусила в начале поездки.

– Пирог и эль, – эхом отозвался на мои мысли джентльмен. Поднял корзину с кошками, толкнул дверь «Черного медведя» и, пригнув голову, переступил порог. Переноску он беспечно оставил на входе, словно пальто или зонт, а не емкость с живыми существами. Я прошла за ним в душное прокуренное помещение, набитое людьми. Они кричали, поднимали кружки, грудились за столами, оживленно беседуя. Кто-то сидел на старых бочках, кто-то на длинных скамьях. Многие стояли на засыпанном песком полу, плечом к плечу с кружками в руках.

Я почувствовала, как все взгляды обратились на меня. Люди толкали друг друга, возбужденно перешептывались, показывая на меня. Я старалась не обращать внимания: их пристальные взгляды не должны вывести меня из равновесия. И вообще, это для меня дело привычное.

Малышкой я, бывало, танцевала на грязных улицах Уайтчепела, представляя себя снежной феей, и мои друзья хлопали в ладоши и свистели от восторга, а мальчишки постарше дразнили и бросались камнями. Корнелиус всегда защи-

щал меня, и я казалась себе сильнее, чем на самом деле. Брат преподнес мне бесценный подарок: благодаря ему я гордилась своей внешностью и верила в себя. По крайней мере, сумела нарастить толстую броню, спасающую от насмешек и издевательств. Так что, решила я, отодвинув в сторонку воспоминания о лондонских пабах и пьяных мерзавцах, компании «Черного медведя» не под силу вывести меня из себя. Я видела перед собой доброе лицо брата и слышала его голос: «Долли, будь собой».

Я постучала каблуками, сбивая городскую грязь, и осмотрелась: потемневшее красное дерево на стенах, барная стойка облицована грязно-зеленой плиткой и матовым стеклом; освещение слабое – мерцающие лампы и свечи. Несколько укрепленных на стенах зеркал порождали иллюзию, что посетителей как минимум вдвое больше, чем на самом деле; в огромном камине за стальной решеткой горел чудесный огонь. Над каминной полкой висел портрет королевы, с двух сторон его охраняли два громадных пса из фарфора, инкрустированного медью. Теплый, пропитанный табачным дымом воздух проник в мои легкие, и я закашлялась.

– Уэнхем!

Крупный мужчина в старомодных шароварах пробивал локтями дорогу к нам сквозь толпу, бесцеремонно распихивая пьяных. Они грязно ругались, когда из кружек выплескивался эль. Добравшись до нас, мужчина похлопал моего спутника по спине, а затем с интересом посмотрел на меня

рыбьими глазами. Его щеки испещряла паутина вен. Пошевелив губами, обвисшими и влажными, будто устрицы, он спросил моего спутника:

– И кто это с вами, добрый вы мой человек? Очередной чудик? Тут есть один ваш, ждет уже. Поразвлекал народ покамест. За денежку, конечно.

– Это сегодня мой возница, – подмигнул мне обретший имя джентльмен – мистер Уэнхем. – Изворотливый тип. – Он положил руку мне на плечи. – Мой друг, мисс Долли Дав. Имя чрезвычайно идет ей, не так ли? Долли – куколка, восковая кожа, а Дав – голубка, хорошо сочетается с нежным нравом. – Он взмахнул рукой, демонстрируя меня с головы до ног. – Как вы видите, она изящнейшая из сильфид, и ей суждено совершать величайшее новое действо, коего еще не видел мир. Прекраснее всего, что вы в силах вообразить.

Меня распирало от гордости, и я благоговела, ожидая момента, когда я стану той самой. Которая, безусловно, совершит величайшее действо.

Но человек, которого я приняла за хозяина заведения, бесцеремонно оглядел меня и расхохотался.

– Довольно самонадеянное заявление, – фыркнул он, потирая подбородок. – А что с тем вашим протеже, который умеет завязываться узлом и прыгать, как мяч? – и он мотнул головой в сторону. Я увидела пристроившегося в уголке высокого человека, который ковырял корочку пирога. Подбородок его блестел от жира, одежда была грязной и поно-

шенной, а взгляд, быстрый и настороженный, как у черного дрозда, метался из стороны в сторону, пока, полный недоверия, не задержался наконец на мне. Я отвела глаза и посмотрела на хозяина. Тот одарил меня широкой улыбкой.

– Так что, пирог и эль для вас обоих? – Он похлопал мистера Уэнхема по плечу. – Или вашей девушке лучше налить джина?

Но меня было не так-то легко списать со счетов. И пусть этот трактир вонял кислым пивом и сомнительными надеждами, я решила, что буду выступать. Образ Корнелиуса заполнил мое сознание, и, повинуясь неведомому импульсу, я пошла отточенным танцевальным шагом, шурша песком, устилающим пол. Волосы, спускавшиеся ниже пояса, словно кружево, волновались вокруг меня, а тонкие бледные руки взмывали к потолку, словно я вот-вот взлечу.

«Долли, будь собой».

Разговоры прекратились, все впились в меня взглядами. Я была грациозна и легка, вертелась и кружилась все быстрее и быстрее, забыв о том, кто я и где я. Кто-то затянул моряцкую плясовую, кто-то стал отбивать ритм по столу, и постепенно остальные стали подхватывать, петь, стучать ногами. Некоторые даже попытались присоединиться к моему танцу. Хозяин трактира удивленно созерцал все это, а высокий мужчина в углу помрачнел и нахмурился.

– Господи, – воскликнул хозяин, – и верно, она сильфида! Она словно отлита из серебра, так и сияет. Уэнхем, мой друг,

она сделает тебе целое состояние!

«Черный медведь» настолько отличался от лондонских пабов, что я разрешила себе плыть по течению, не думая ни о ком и ни о чем. Когда я остановилась, всё смолкло – пение, танцы, стук. На меня смотрели с благоговением.

Мистер Уэнхем захлопал в ладоши. Чуть позже к нему присоединились и остальные. Аплодисменты заполнили задымленный трактир, подтверждая то, что я уже знала. Мое предназначение. Меня ждала величайшая премьера. И лишь высокий мужчина, возница, хранил молчание. Но мне было все равно.

Судьба и удача встретили меня той ночью, и я с готовностью взяла их за руки.

6
Нелл

Январь 2025

Сжимая пакет с канцтоварами, я побродила по извилистым улочкам, заглядывая в витрины: любовалась синей стеклянной банкой в одной, антикварной чашей в другой. Последние отсветы заката погасли, тротуары искрились инеем. Я с удовольствием смотрела на парочки и семьи, сидящие в уютных кафе и ресторанах, держа в руках кружки какао или бокалы с вином, на столах перед ними стояли деревянные доски с пиццей и тарелки с ризотто; все счастливы, смеются, будто в параллельном безмятежном мире. Мне захотелось подобных ощущений, и я нервно огляделась. Заметила на углу площади аккуратный кирпичный паб – с его окон еще не сняли рождественские гирлянды, и они ярко сияли за чистыми стеклами. «Черный медведь». Заведение выглядело уютным, несмотря на вывеску, изображавшую прикованного к столбу зверя на задних лапах. «Пережиток мрачного прошлого», – решила я и направилась к пабу. Немного помедлила у входа, пытаясь заглянуть в окно и прикинуть, как там внутри. Но царивший в пабе полумрак позволил мне рассмотреть только двух собак из фарфора на подоконнике и маленькую записку за стеклом: «Требуется персонал! Ищем

барменов. Присоединяйтесь к нашей дружной команде».

Я попятилась, вспомнив, как когда-то работала в баре.

Не сейчас.

Нужно идти дальше.

Даже не хотелось думать об этом.

Вывеска скрипнула на ветру, и у меня в животе похолодело: я вдруг вспомнила собеседование, пристальный взгляд Трейси, мои влажные ладони, нервы, натянутые как струны.

Я расправила плечи. Кто знает? Может, все-таки получу работу. Случится чудо. «Новая я, – напомнила себе. – Иду своим путем». Поддавшись импульсу, я толкнула дверь и шагнула внутрь.

И сразу пожалела.

Помещение было темным и душным: тяжелая деревянная обшивка, низкие балки под потолком, мрачная зеленая плитка за стойкой. И ощущения не из приятных – будто за тобой кто-то следит. Я огляделась: потускневшие картины, жуткая деревянная маска охотника с пустыми глазницами и искривленным ртом, голова какого-то несчастного оленя. Его стеклянные глаза безучастно смотрели в пустоту. Фоном звучал легкий джаз, нелепо веселый в угрюмой атмосфере. Я напряженно шла по узорчатому ковру к стойке, и мне казалось, что две оранжевые фарфоровые собачки на подоконнике насмешливо провожают меня нарисованными глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.